

гии в системе современного образования являются модели независимости и диалога. Модель независимости, упрощенно говоря, исходит из того, что у науки и религии принципиально различны предметы, задачи и т. д. Наука стремится ответить на вопрос: как устроен мир? Религия же, по убеждению ее сторонников, указывает человеку путь спасения. Эта модель указывает на неправомерность вмешательства науки в пределы компетентности религии, с одной стороны, и на неправомерность вмешательства религии в пределы компетентности науки. Модель диалога учитывает, во-первых, то обстоятельство, что и наука, и религия являются феноменами культуры, а потому объективно не могут быть полностью независимы друг от друга. Во-вторых, эта модель указывает на наличие пограничных вопросов у науки и религии. Такими вопросами являются, в частности, те научные знания и проблемы, а также те религиозные представления, которые непосредственно выводят на мировоззренческую проблематику. По таким вопросам, думается, между представителями науки и религии необходим корректный и взаимоуважительный диалог (см. об этом [2; 3]). В каких-то приемлемых формах этот диалог может быть представлен также в системе образования.

Все эти вопросы, конечно, нуждаются в дальнейшем обсуждении.

1. Барбур И. Религия и наука: история и современность. М., 2001.

2. Финогентов В. Н. Взаимоотношения науки и религии: (размышления методолога) // Наука и религия в современном мире: необходимость диалога. Уфа, 2004. С. 5—11.

3. Финогентов В. Н. Разграничение предметных областей научного знания, религиозных представлений и философских воззрений как принцип современного гуманитарного образования // Гуманитарное образование в информационном обществе. Екатеринбург, 2003. С. 138—145.

В. Е. Семенков
г. Санкт-Петербург

ПЕТЕРБУРГ ФИЛОСОФСТВУЮЩИЙ.
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПОЛОЖЕНИИ
ФИЛОСОФОВ В КРУГУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
СООБЩЕСТВ ГОРОДА

В разговоре об интеллектуальных сообществах в Санкт-Петербурге и месте философского сообщества в городе стоит отправляться от очевидного факта присутствия философского сообще-

ства в городе. Это философское сообщество соотносится с другими интеллектуальными сообществами города, с самим городом. Но речь о специфике присутствия философского сообщества в Санкт-Петербурге предпочтительнее пачать со слов о самом сообществе, о его структуре, составе и т. д.

Что касается структуры профессионального философского сообщества Санкт-Петербурга, то тут можно сказать следующее. Городское философское сообщество как профессиональное сообщество имеет двухуровневую структуру: в нем без труда выделяется философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета — и все остальные части сообщества, образующие некую периферию. При этом качество философствования — профессиональных практик — существенно различается на двух этих уровнях как «первосортное» и «второсортное». Соответственно различаются и профессиональные требования, предъявляемые философам: если философ не имеет профессиональных связей с университетским факультетом, то от него и не ждут современного профессионализма, а значит — ему не положено (по статусу в профессиональном сообществе) выступать с публичными сообщениями (публикациями), претендующими на общезначимость. В противном случае, такому философу необходимо занять некую исключительную позицию как в профессиональном философском сообществе, так и в публичном пространстве города. Исходя из этого, можно сказать, что тот, кто вне профессиональных связей с философским факультетом, тот и сам вне центра философского сообщества Санкт-Петербурга. Иначе говоря, выход за пределы философского факультета равнозначен выходу за пределы верхнего яруса философского сообщества.

В данной двухуровневой структуре интересна ситуация на самом философском факультете СПбГУ. Дело в том, что факультет сам по себе ни в коем случае не следует называть профессиональной элитой: факультет доминирует в сообществе «по определению». Он является номенклатурой, и качество (высшее для всего сообщества) профессионализма его сотрудников определено не признанием членов сообщества, а штатным расписанием. Факультет доминирует как институт, и признание профессионализма его членов обусловлено его институциональным значением. Но, с другой стороны, все инициативы, суждения, и сам дискурс задаваемый факультетом, в принципе, легитимны для всего сообщества, и кроме того, действительная профессиональная элита ангажирована именно университетским факультетом, а не какой-либо другой частью городского философского сообщества. Соответственно можно

предположить, что университетский факультет имеет два источника символического капитала, необходимого для воспроизводства данной двухуровневой структуры: с одной стороны, этот капитал имеет институциональную природу, с другой — пополняется за счет «пайма» элиты «на работу».

Современное философское сообщество (и не только петербургское) обречено иметь номенклатуру: она удерживает современную стадию спекулятивных практик в дисциплинарном поле профессии. Философский факультет СПбГУ как номенклатура — это функциональный элемент в жестких институциональных формах. Такая номенклатура — это хранители понятийного канона, они не должны знать, что такое философия, но только они знают, как надо философствовать. Уже это сообщает членам философского факультета доминирующие позиции среди философских коллективов нашего города, центрируя все остальные коллективы по отношению к факультету как периферию к центру. Все остальные коллективы ориентированы на философский факультет СПбГУ, но в функциональном плане они как бы отсутствуют, так как только центр имеет функцию философствовать и готовить философов, все остальные лишены какой-либо функциональной нагрузки внутри профессионального сообщества. Они существуют как некая гомогенная группа с низким профессиональным и социальным статусом.

Если бы те, кто работали на философском факультете, не были бы членами одного профессионального сообщества, то философский факультет не имел такого доминирования внутри философского сообщества Петербурга. Уместно вспомнить, что в советский период такого разделения на профессиональное сообщество философского факультета и все остальное профессиональное сообщество философов города не было, так как на самом факультете было отделение научного коммунизма и отделение философии, и они никакого единого профессионального философского сообщества не создавали. Это следовало уже из того, что профессиональный статус философа можно было получить только на отделении философии, и сотрудников научного коммунизма никто в качестве философов не воспринимал. Сейчас все изменилось, и такого разделения внутри философского факультета, столь существенного, как раньше, уже не провести, ибо статусом уже обладают не те, кто занимается философией на факультете, а весь факультет.

Знаменательно то, что в обеих группах — центр и периферия — профессиональные статусы существуют как социальные. Это вызвано тем, что разный профессиональный статус философа

ского факультета и остальных производит разницу в социальных статусах. Однако на самом философском факультете отношения среди коллег — это отношения равных, и никаких атрибутов социального превосходства внутри профессионального сообщества не проявляется. За рамками факультета картина меняется: там высокий статус того или иного авторитетного факультетского философа не только профессиональный, но и социальный. Это также указывает на философское сообщество нашего города как на двухуровневое. Итак, проблема статуса у философов непосредственным образом вырастает из организационного оформления. Задача состоит в том, чтобы понять, что влечет за собой такое деление профессионального сообщества философов.

Что мы можем узнать, изучая петербургских философов? Мы можем редуцировать городских философов Санкт-Петербурга до уровня простого сообщества, изучая членство, границы, структуру, статусы. Но желательно научиться чему-то более сложному: проанализировать предмет профессиональных практик философов, не зная заранее, что это есть философствование, подозревая в философствовании некий комплексный спекулятивный навык, в котором, центральное место занимает навык интертекстуальности.

Показательно, что в таком престижном ныне учебном заведении нашего города, как Европейский университет нет философского факультета. Но из этого нельзя делать вывод о «ненужности» философии для нашего города. Факт отсутствия философского факультета в Европейском университете никоим образом не говорит о том, что философия становится не нужной гуманитариям. Корректнее говорить о том, что никаких достойных фигур из профессионального философского сообщества за пределами философского факультета просто не найти, и открытие философского факультета в Европейском университете будет означать кадровое дублирование философского факультета СПбГУ. Именно это и не позволяет осуществить институциональное внедрение философии в Европейский университет, уже не раз заявлявший о своем интересе к философии: достаточно указать на широко рекламированные конференции по Ф. Ницше и М. Фуко.

Так сложилась с философами, что ныне позитивное философствование в их рядах стало рискованным делом, к тому же у них появилась институциональная возможность избежать этого риска, сохранив за собой право на профессиональную идентичность, уйдя в бесконечное комментирование классических философских текстов. Сегодня интеллектуалы остаются в философии просто за неимением выбора: сегодня не приход в философию, а уход из нее

стал шагом в интеллектуальной карьере российского интеллектуала — уход в культурологию, социологию, политологию. Поэтому проблема для российского интеллектуала, и петербургский интеллектуал тут не исключение, не в том, чтобы дорости до философствования, а в том, чтобы перерости философствование. Такова ныне траектория интеллектуальной и профессиональной карьеры. Но эти траектории либо игнорируются, либо фальсифицируются философским сообществом на заведомо ложном основании: ушедшим из философии приписывается ориентация на рынок, конъюнктурщина, профессиональная немощь и т. д. Но логично сказать и иначе: поиск ответов на профессиональные вопросы выводит из рядов философского сообщества. Иное дело, что эти рассуждения просто не принято называть философствованием, т. к. они происходят вне философского сообщества. Тут мы видим разительное отличие российской ситуации от европейской: интеллектуальная карьера у российских философов идет в диаметрально ином направлении. В Европе философствование отличается от других видов теоретизирования по масштабу постановки проблемы. У нас философствование распознается по наличию определенного набора терминов, вне какой-либо зависимости от предметной направленности самого рассуждения.

Каждое интеллектуальное сообщество имеет свою интеллектуальную традицию и погружено в культурный контекст своего региона. Какова интеллектуальная традиция философского сообщества? Представляется, что прежняя традиция — марксизм — прервана, т. к. интерес к марксизму у философов прежде всего философского факультета отсутствует. На факультете не обсуждается марксизм как актуальное направление современной философии, нет диссертаций о марксизме, не проводятся конференции на эту тему. На I конгрессе российских философов в Санкт-Петербурге в 1997 году секция марксистской философии была одной из самых малочисленных. Поразительно быстро отечественные философы расстались с базовыми положениями марксистской философии советского образца: базис, надстройка, классы, духовная жизнь общества и т. д. И это расставание не вызывает ностальгии практически ни у кого из тех, кто задает тон в философии сегодня, кто расставляет приоритеты. Отсутствие ностальгии позволяет сказать, что традиция прервана, но дело в том, что самим философам не ясно, какая именно традиция перестала существовать. Конечно, здесь возникает вопрос: что мы имеем в виду, когда говорим о марксистской интеллектуальной традиции в нашем обществе? Советский опыт отечественной философии дал только имя и направ-

ление этой традиции, но не ее существо. Наличие имени — это все, что может связывать современных философов с советской эпохой. Однако за именем должно быть содержание, которого сейчас нет. Но тут встает вопрос: насколько это очевидно для самих философов? Представляется, что сами философы не переживают отсутствие содержательных связей с советским периодом марксизма как существенную для их сообщества проблему. Обретение новой традиции предполагает и новую идентичность, новую презентацию своего сообщества за пределами своей корпорации, в публичном пространстве. Не очевидно, что отечественные философы, и петербургские в том числе, испытывают необходимость презентовать себя как-то иначе чем раньше. Так мы выходим на следующую тему: публичность философского сообщества в нашем городе.

Кроме факта присутствия философского сообщества в городе можно указать еще на факт поиска философом своего признания. Это признание может быть обретено в поле профессиональной корпорации и может быть обретено в рамках своего региона/города, точнее, в поле интеллектуального сообщества города.

Признание в городской интеллектуальной среде может накапливаться наиболее эффективно тогда, когда философ осознается в городе публичной фигурой. Если же он видит философию как предмет закрытых, клановых, кастовых профессиональных практик, то тогда он интегрируется в номенклатуру и выступает не в рамках городского публичного пространства — не в клубах, салонах и галереях, а на философском факультете. Иное дело, что публичный философ должен или может (?) провоцировать профессионально статусное сообщество на публичную активность.

Наличие возможных двух полей для обретения признания задает разные векторы его социальной карьеры философа: вектор профессиональной карьеры и вектор публичной карьеры. Представляется возможным сказать, что эти вектора не противоречат друг другу, перпендикулярны, а сонаправлены. По крайней мере, в нашем городе это обстоит именно так. Петербургский философ может быть успешным в профессиональной карьере и игнорировать в принципе места публичного взаимодействия в городе, та же галерея «Борей» на Лиговском проспекте. Но наоборот — это уже невозможно: невозможно игнорировать философский факультет СПбГУ и быть успешным в том же «Борее», т. к. «Борей» и ему подобные места публичного взаимодействия не дают такого социального капитала, как взаимодействие на философском факультете. Ресурсы философского факультета и мест публичных

деклараций в Санкт-Петербурге не равны, потому что в публичном пространстве нашего городе наблюдается дефицит символического капитала. Это проявляется уже в том, что в нашем городе нельзя существовать интеллектуалу самостоятельно от каких-либо сообществ. Поэтому успешное существование в интеллектуальной среде города должно быть подкреплено успешным членством в каких-либо других, как правило, профессиональных интеллектуальных сообществах. Успех в том же «Борее» основывается на успехе в своем профессиональном сообществе, но это сообщество может быть и не философским. В этом состоит парадокс получения признания в интеллектуальной среде города: в ней философами считаются и те, кто формально философами не числятся, т. е. не являются членами профессионального сообщества. Показательно, что премию петербургских философов «Вторая навигация» в номинации «Вклад в современную философию» получил в 2002 году филолог С. Л. Фокин за книгу о Жорже Батае. Тут можно заметить, что для иного профессионала (филолога, психолога, социолога и т. д.) популярность всегда сопряжена с угрозой фальсификации его профессионального признания, признания по цеху. В то время как выступление с философских позиций в публичном пространстве органично для представителя любой профессии. Уже в силу этого тот же филолог или психолог, добивающийся признания регионального сообщества, презентует себя в публичном пространстве как философ.

Однако у самих философов проблема признания остается весьма острой, т. к. у философов нет своего места в публичном дискурсе, точнее можно сказать, что публичный дискурс сейчас формируется без участия философов вообще. Он сейчас формируется у тех, кто умеет находить сцепление с журналистской интонацией, кто умеет быть в унисон с актуальностью, понимаемой как нечто текущее и требующее оперативного анализа. Современный публичный дискурс требует постоянной рефлексии вопроса власти, и агент, формирующий этот дискурс, должен представлять субъекты среднего уровня (корпорации, ведомства и регионы), и философы здесь никого не представляют, уже поэтому им нет места в публичном дискурсе.

Но главная проблема невостребованности профессионального философского знания в широкой интеллектуально ангажированной аудитории состоит в том, что политика в современной России осуществляется без идеологического обоснования. Если учесть, что именно идеология как система убеждений является прагматической проекцией философского знания, то именно в идеологию

должен конвертировать свое профессиональное знание философ для обретения признания в широкой аудитории.

Но в постсоветской России любой идеологический дискурс не легитимен, и ввиду этого философу не удастся конвертировать свое профессиональное знание в нечто публичное. Из-за этого образуется ситуация, когда философия как профессия не легитимна с точки зрения общественного мнения. Конечно, сейчас не только профессия философа находится под угрозой потери легитимности, но и ряд иных профессий, предлагаемых университетом, но у философов ситуация более тяжелая, т. к. совсем непонятно, какова может быть перспектива. Поясним ниже этот тезис.

Проблема легитимности интеллектуальных профессий выглядит как проблема их модернизации. Модернизация заключается в адекватности рынку, а адекватность рынку требует новой формы знания: проектного знания, а не прикладного. Прикладная проекция научного знания — это некая трансформация знания, необходимое для публикации, объективации и институализации этого знания. Такая процедура трансформации знания была выработана в эпоху модерна и в виду этого уже устарела. Культура постмодернизма отказалась от этого понятия, задав иные параметры публикуемого знания. Сейчас интеллектуалу для того, чтобы получить признание, следует придерживаться совершенно иных правил трансформации знания. В современном обществе возникло иное понимание значимости научного знания: оно не должно быть прикладным, оно должно быть правильно тематизируемым, политкорректным, публично ориентированным. Проектное знание выступает как публичное и политкорректное знание.

Зададимся следующим вопросом: биолог, изучающий СПИД сидя у себя в лаборатории, легитимен? Представляется, что — нет. Для легитимации своих изысканий он должен участвовать в проекте по превенции СПИДа, а не проводить лабораторные опыты. Для этого он должен оставить риторику прикладного знания и, публично освещая проблему, соблюдать требование политкорректности.

Замена слова «лаборатория» на слово «проект» — принципиально важная вещь. Это то, что показывает нам различие дискурса модерна и постмодерна о стратегии презентации обществу научного/интеллектуального знания. Сейчас наука выстраивается из лабораторной структуры в проектную и оттуда уже попадает на рынок. И, соответственно, та научная дисциплина, которая не имеет своих позиций на рынке интеллектуальной продукции, вынуждена делать более сложный путь: конструировать иную дисципли-

ну, рыночно востребованную, под нее формулировать проект и уже таким образом выходить на рынок.

В конце 1990-х годов на философском факультете обсуждался вопрос о создании кафедры богословия. Философский факультет СПбГУ не открыл у себя богословского отделения не потому, что боялся заниматься богословием, а потому что само по себе богословие не дает заниматься проектами с религиозной тематикой, а религиоведение дает. Религиоведы могут заниматься межконфессиональными конфликтами и межконфессиональной коммуникацией, а теолог этими сюжетами заниматься не будет.

Автору этих строк уже приходилось слышать, на культуролого-философских заседаниях, что экуменизм — это религиозная проекция процессов глобализации, и таким образом экуменизм является собой следующий шаг в развитии Церкви, потому что Бог един. Для теолога такие рассуждения невозможны, а для тех, кто ориентирован на участие в проектах и выход на рынок интеллектуальной продукции, такие рассуждения — в порядке вещей. Они иначе понимают значимость своего знания.

Философы сейчас напрямую в проектное знание не встраиваются, а виду этого у них проблемы с присутствием в публичном дискурсе. Драма современных российских философов состоит в том, что им для того, чтобы встроиться в публичный дискурс, надо «растерять» свою философию. Им надо предстать перед широкой аудиторией уже в ином облике: политологами, конфликтологами, культурологами, религиоведами и т. п. Именно этим обусловлено возникновение отделений политологии, культурологии, конфликтологии, религиоведения на философском факультете СПбГУ в 1990-е годы.

Итак, философы, чтобы заниматься собственными проектами, были вынуждены приобрести ряд нефилософских по интенции специализаций, и те философы, что отказались конвертировать свою философию, стали маргиналами. Таков парадокс нынешнего существования философа, стремящегося к выдерживанию философского пуризма в своих занятиях: отказ от конвертации философского знания превращает его в маргинала даже в стенах философского факультета СПбГУ. Причем эта маргинальность философов-пуристов не обусловлена их желанием заниматься философией во что бы то ни стало. Дело в том, что во всякой профессиональной нише труда можно выделить две полярные стратегии. Одна стратегия — заниматься профессией ради того социального капитала, который дает эта профессия, ради социального статуса и социальных дивидендов, а вторая стратегия состоит в том, чтобы

заниматься выбранной профессией ради самой профессии, ради личностной самореализации. И в философии это деление стратегий видно особенно ярко. Мы видим, что выбор первой стратегии заставляет сотрудника философского факультета сильно мутировать, так, что он даже перестанет быть философом, превращаясь в культуролога, политолога, конфликтолога, религиоведа и это заставляет само профессиональное сообщество философов мутировать, в зависимости от внешних факторов, т. к. характер этих мутаций не задан самой профессией никоим образом. Выбор философским сообществом второй стратегии приводит к тому, что любые трансформации профессионального сообщества заданы стадиями развития самой дисциплины — философией.

Соответственно то, что происходит с теми, кто остался философами и стремится заниматься именно философией, уже определяется развитием самой философской мысли. Эти люди включены в глобальный процесс развития современной философии, и в виду этого они наименее зависимы от локальной городской конъюнктуры, но зато они зависят от доминирующих тенденций той философской традиции, в рамках которой они работают.

Если можно сказать, что первая стратегия, т. е. стратегия косвенной причастности к философии ради чего-то иного, более распространена среди питерских философов, то тогда становится ясно, что тех, у кого стратегия прямо противоположная, — очень мало в масштабах такого мегаполиса, как Санкт-Петербург, и их присутствие в городе в качестве самостоятельной профессиональной группы становится невозможным. В виду этого философы-пуристы вынуждены интегрироваться в чужие философские сообщества — философские сообщества Европы и Америки, где им приходится преодолевать значительные барьеры, т. к. в глазах западного философа они несут на себе печать советскости. Те философы, которые эти барьеры не преодолевают, — становятся маргиналами, а те, кому интеграция удалась, — концентрируются в каких-то иных местах, даже если номинально остаются на философском факультете.

Маргинальность философов на философском факультете видна уже из рекламного объявления 2004 года, адресованного поступающим на этот факультет: в нем философы указаны последними (пятыми по списку) в ряду предлагаемых факультетом специальностей. Об отношении к философам со стороны иных специальностей, преподаваемых на факультете, можно сказать следующее: философов на философском факультете СПбГУ терпят. Их терпят, потому что, находясь в положении маргиналов, филосо-

фы тем не менее обеспечивают легитимацию присутствия на факультете всех остальных дисциплин, и прежде всего политологов. Последние это понимают, но, учитывая сложившееся в их пользу соотношение сил, уже поставили вопрос о переименовании философского факультета в факультет политологии и философии. У политологов есть мощный аргумент в защиту своей позиции: результаты приема на философский факультет — в последние годы самый низкий конкурс был именно на отделении философии. И, конечно, администрация философского факультета вынуждена это учитывать, ибо она отвечает не за ситуацию в философском сообществе Санкт-Петербурга и не за современный философский курс, а за встраивание факультета в рынок образования. Администрация факультета призвана быть адекватной спросу на тот или иной вид образования, и согласие на переименование факультета — это стремление удовлетворить запрос потребителя. Однако такая позиция: видим спрос на политологов — открываем отделение политологии, при всей ее логичности довольно рискованна, т. к. переименование философского факультета может привести к потере того, что в маркетинге принято именовать термином «бренд». Бренд — это положительный комплекс ассоциаций, вызываемых при упоминании, восприятии, обсуждении какого-либо объекта, продвинутого на тот или иной рынок.

Уместно напомнить, что в советский период ситуация была прямо противоположной: отделение философии имело безусловный приоритет по отношению к отделению научного коммунизма, и о переименовании философского факультета в факультет научного коммунизма и философии никто и не заикался. Если учесть, что кадровый состав отделения политологии во многом образован из кадров отделения научного коммунизма, то можно говорить реверсивной ситуации на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета: последние стали первыми. Эта ситуация изменила модальное поведение сотрудников факультета: факультет перестал быть фрондой. Конечно, и в советский период тут было не много инакомыслия, но во всяком случае было очевидно явное дистанцирование от властных инстанций, было тщательно скрываемое диссидентство, выражавшееся в уходе в сугубо профессиональные темы. Считалось, что одни (философы) занимаются делом — осуществляют критическую переоценку сложившихся представлений, а другие (преподаватели научного коммунизма) формируют риторику власти, риторику официоза. Сейчас ситуация изменилась весьма разительно: резко возрос статус отделения политологии и конкурс на это отделение,

декан факультета несколько лет возглавлял петербургское отделение партии «Единство», на самом факультете, судя по наблюдениям, многие преподаватели голосуют именно за эту партию. Философский факультет проводит крупные конгрессы о гражданском обществе, конфликтологии и глобализации. Смысл этих конференций в формировании той самой риторики власти, которой в советский период занималось отделение научного коммунизма. Поэтому лояльность — модальное поведение и стратегический ресурс нынешнего философского факультета СПбГУ.

Ю. Г. Ершов
г. Екатеринбург

ЦЕННОСТНОЕ И ПРЕДМЕТНОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВА

Всестороннее познание права, проникновение в его сущность невозможны только лишь в границах собственно юридической теории, даже если речь идет об общей теории права. «Человеческий» смысл права, единство его развития и закономерностей культурно-исторического процесса, включенность в систему многообразных общественных отношений, сама роль права в развитии цивилизации — все это повышает роль и значение социальной философии для понимания ценностной природы права как феномена общества и культуры.

Так, говоря об условиях и задачах научного познания правовой нормы, Д. А. Керимов подчеркивает всю важность изучения не только ее структурной организации и практики реализации, не только исторических условий и внутренних причин ее возникновения, но и эффективность ее воздействия как на регулируемое общественное отношение, так и на всю общественную и личную жизнь¹.

Понимание и объяснение права невозможно вне включения в систему аргументов концепции человека как субъекта формирования и воплощения в жизнь системы своих ценностей. По справедливому замечанию И. П. Малиновой, «потребность в обращении к интеллектуально-духовным основаниям правотворчества глубоко заложены в правовой культуре, для которой философия права является способом самосознания, самоопределения человека в координатах созданных им, но выходящих из повиновения социальных стихий»².

Современный, постклассический тип научной рациональности